

## ПОСЛЕДНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

Г. В. ПЛЕХАНОВА

/ К истории полемики вокруг романа В. Ропшина

"То, чего не было" /

Публикация в 1912 - 1913 годах в журнале "Заветы" романа В. Ропшина / Б. В. Савинкова / "То, чего не было" вызвала необычайную острую общественную реакцию. В критической полемике, продолжавшейся более года, приняли участие, выступив, как правило, не по одному, а по два-три раза, практически все центральные журналы. В результате в дискуссии, библиография которой насчитывает более двадцати названий, высказались представители самых разных общественных и литературных течений.

Статья Г. В. Плеханова "О том, что есть в романе "То, чего не было", появившаяся в февральском номере "Современного мира" за 1913 год, когда ещё не была напечатана третья, заключительная часть произведения В. Ропшина, пришлось тем не менее на самый разгар полемики, начавшейся задолго до завершения публикации романа. Статья была написана в форме открытого письма литературному обозревателю "Современного мира" В. Л. Кранихфельду в связи с его неблагоприятным отзывом о романе.

Плеханов решительно не согласился ни с одной из высказанных в дискуссии точек зрения на произведение В. Ропшина, с вынесенным ему "почти единодушным отрицательным приговором". Он отверг по существу все обвинения критики, в том числе и наиболее серьезные, прозвучавшие со страниц изданий демократического лагеря, - в тенденциозном, искаженном освещении событий недавней революции.

Обвинение в ложном истолковании изображаемых явлений действительности, выдвинутое против В. Ропшина его недавними единомышленниками / в "Заветах" был напечатан коллективный протест группы бывших народовольцев и эсеров / свидетельствовало, по мнению Плеханова, лишь о том, что воспроецированные в романе переживания "прогля-

того вопроса" о праве на насилие - "довольно исключительное психологическое явление, даже между людьми, державшимися лозунга: "В борьбе обрешь ты право свое!"

Плеханов не скрывал того, что главным стимулом для написания статьи было желание повлиять на сам ход полемики. Однако не в том только смысле, чтобы повернуть её в новое русло, воспользовавшись произведением В.Ропшина лишь как формальным поводом для пропаганды идей исторического материализма. Именно к этому, вполне реально существовавшему в статье противопоставлению позиций исторического материализма и характерной для романа философии исторического фатализма, будут в дальнейшем особенно часто сводить весь смысл выступления Плеханова как его полемические противники в дискуссии /Е.Колтоновская, Р.Иванов-Разумник/, так и будущие историографы.

Между тем Плеханов неоднократно очень четко формулирует свою оценку произведения В.Ропшина, которое, по его мнению, "представляет собою крупное литературное событие" в силу "важности поднятых в нем вопросов и серьезности отношения к ним автора". "Мне хотелось бы, - заключал свое обращение к Кранихфельду Плеханов, - чтобы в Вашем лице "Современный мир" внимательнее отнесся к тому литературному явлению, которое своим богатым и правдивым содержанием заслуживает очень большого внимания, особенно со стороны людей, разделяющих основные положения марксизма".

Последняя литературно-критическая статья Плеханова принадлежит, вероятно, к числу наиболее неожиданных - во всяком случае для его современников - выступлений Плеханова, которое до сих пор остается не проясненным в главных своих мотивах и основаниях. В нашей историографии принято относить выступление Плеханова к числу "ошибочных", с оговоркой о "чрезвычайной интересности ряда развиваемых в ней соображений о закономерностях литературного процесса". В работах последнего времени заметно стремление как-то

смягчить категоричность некоторых утверждений Плеханова и его конкретных оценок романа В. Ропшина, что приводит, однако, не только к искажению общего смысла статьи, но и к резкому огрублению и упрощению её содержания. И. А. Горбанев, давший в своей книге "Плеханов в литературной борьбе начала XX века" / 1972 / наиболее развернутый анализ статьи Плеханова, также не избежал такого рода упрощений и множества оговорок относительно того, что Плеханов "недоучел" и "недооценил". В работе оказалась чрезмерная прямолинейность соотнесения художественного содержания произведения с чисто политическим контекстом его времени, что и явилось, на наш взгляд, главной причиной негативного в целом восприятия статьи Плеханова в отечественной историографии.

И. А. Горбанев совершенно справедливо отмечает, что статью Плеханова следует рассматривать прежде всего в ряду его собственных работ, затрагивающих ту же философско-этическую проблематику. Представляется особенно важным в этой связи, что в последнем литературно-критическом выступлении Плеханова вопрос о моральном оправдании борьбы и праве на насилие в революционном действии дан в значительно более сложной орнаментовке, чем в работах предшествующего времени главным образом периода первой русской революции - прежде всего за счет включения в эту нравственную коллизию мотива трагизма в его высоком человеческом содержании. Переживания героя романа Андрея Болотова, подчеркивал Плеханов, "во всяком случае, заслуживающие бережного и, скажу прямо, - почтительного к ним отношения" - не фраза, не пустая выдумка, это - целая трагедия, - одна из тех трагедий, которые "очищают" зрителя... заставляя его верить во внутреннюю красоту если не всей человеческой природы вообще, то, по крайней мере, природы некоторой части человечества". Статья содержит, несомненно, и новые оттенки в отношении к

героизму народнического типа сравнительно, например, с работой 1907 года "К психологии рабочего движения".

В этой связи оказывается чрезвычайно значимой сама история публикации статьи в журнале "Современный мир", до сих пор не привлекавшая внимания исследователей. Между тем в редакционной переписке сохранились три послания Плеханова в журнал /два письма и одна открытка/, почти целиком посвященные данному эпизоду его участия в литературно-критической полемике. Особенно интересно одно из этих писем от 16(29) января 1913 г., содержащее настойчивую просьбу, а фактически требование, вставить в уже набранную статью несколько дополнительных страниц нового текста. "Я предпочитаю видеть свою статью совсем не напечатанной, - писал он Кранихфельду, исполнявшему тогда обязанности редактора, - чем напечатанной без этой вставки" /подчеркнуто Г.В.Плехановым. - Л.С./ . Вставка эта около семидесяти строк печатного текста, содержащая приведенные выше рассуждения о революционном "гамлетизме" Болотова, свидетельствует о широте представлений Плеханова в чем-то, несомненно, опережающих свое время, - о гуманистическом содержании искусства.